
Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации

А.С. ТУМАНОВА*, А.А. САФОНОВ**

*Анастасия Сергеевна Туманова – доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, atumanova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3469-7144>

**Александр Александрович Сафонов – доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, Мясницкая улица, 20, asafonov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3577-5490>

Цитирование: Туманова А.С., Сафонов А.А. (2022) Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации // Мир России. Т. 31. № 2. С. 6–25. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-6-25

Аннотация

В статье рассматривается воздействие информационно-цифровой эпохи на гражданское общество. Авторы показывают, что в условиях цифровой коммуникационной среды традиционные институты, практики и ценности гражданского общества трансформируются, классические представления о последнем, созданные видными социальными и политическими теоретиками (от Алексиса де Токвиля до Юргена Хабермаса), перестают работать безоговорочно, а пространство публичной сферы основательным образом переструктурируется.

Исследование сфокусировано на теориях и эвристических прогнозах влиятельных западных обществоведов XX столетия: Мануэля Кастельса, Юргена Хабермаса, Никласа Лумана и Роберта Патнэма. Подобный подход представляется продуктивным потому, что на заре информационно-сетевого общества они пытались заглянуть в будущее, и многое из того, что они предсказывали, осуществилось. Помимо этого, данный подход позволяет составить целостное представление о воздействии сетевых коммуникаций на третий сектор. Обобщение теоретических подходов к проблеме адаптации третьего сектора к цифровой среде представляет собой одну из первых попыток теоретического синтеза представлений о векторе развития публичной сферы под влиянием вызовов современности. Авторы приходят к выводу, что преобразование гражданского общества в информационно-цифровую эпоху носит противоречивый характер. С одной стороны, публичная сфера

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г. Авторы благодарят анонимных рецензентов журнала «Мир России» за ценные комментарии.

Статья поступила в редакцию в декабре 2020 г.

демонстрирует в открытой коммуникационной сетевой среде способность к скорой мобилизации и адаптации, к расширению своего влияния и преодолению национальных границ. С другой стороны, сетевое общество усиливает фрагментацию третьего сектора, дает импульс к развитию проектных акций, предполагающих взаимодействие в сетях для достижения тех или иных краткосрочных целей, приглушая вместе с тем многие традиционные формы самоорганизации и практики гражданского участия. В статье анализируется диалектика отношений гражданского общества и государства, выражающаяся в стремлении гражданских активистов к расширению своего присутствия в сети и сокращению контроля со стороны государства, а также в увеличении возможностей государства для осуществления контроля над гражданами и публичной сферой.

Ключевые слова: гражданское общество, третий сектор, публичная сфера, информационно-цифровая эпоха, социальная теория, сетевая мобилизация

Информационно-цифровая эра: общие параметры

В первые два десятилетия XXI в. человечество столкнулось с беспрецедентным по своим масштабам и скорости распространения развитием информационно-цифровых технологий. Они радикально изменили характер социальных коммуникаций и создали условия для стремительного перехода социума к сетевой организации. Под цифровым (сетевым) обществом мы понимаем общество, все сферы жизнедеятельности которого меняются под воздействием новейших информационных технологий, а взаимодействия акторов становятся более гибкими и разнонаправленными [Добринская 2019; Пригожин 2008]. Американский социолог Иммануил Валлерстайн, предрекая появление цифрового общества, признал его специфическими чертами открытость, сложность и неустойчивость, а также сопровождающую технологические новации высокую степень неопределенности [Валлерстайн 2003, с. 289].

Ключевой категорией для объяснения состояния современного социума является понятие «сеть», которая возникла и развивается как сугубо технический феномен. Однако поскольку сеть пронизывает всю социальную среду, то трактовка ее исключительно с позиций информатики не продуктивна. Подход к изучению социальных явлений должен находиться на стыке информатики и социологии, т. к. предметом исследования выступает общество [Назарчук 2008, с. 61]. Конструктивным представляется подход французских структуралистов Феликса Гваттари и Жюль Делёза, которые характеризуют охваченное многофункциональными связями общество в категориях естественных наук. Сетевое общество сравнивается с ризомой – строением корневой системы, когда стержневой корень заменяется множеством хаотически переплетающихся и непредсказуемых в своем развитии побегов. Ризома – это образ современного мира эпохи постмодерна – полицентричного, асимметричного и неупорядоченного [Делёз, Гваттари 1996].

Задача социального теоретика состоит в осмыслении качественно нового состояния социальной коммуникации. Предметом исследования становятся межличностные связи, обеспечивающие социальное взаимодействие, а также понятия,

которые формируют ядро классического изучения общества. Первостепенными в этом ряду являются социальная коммуникация и социальная идентичность, однако в новых условиях они будут «работать» уже не в материальном пространстве, но в сетевой среде.

Цифровое общество характеризуется развитием взаимодействий в сетях, переходом в сети институтов и практик, что ведет к глобальному усложнению социальной системы. Закрытые иерархические структуры сменяет сетевой принцип организации, более гибкий, открытый и подвижный. Если классические социальные институты основываются на формальной иерархии и относительной устойчивости ролевых функций, то сетевая их организация базируется на нефиксированном лидерстве, автономии частей и креативности [Кастельс 2000, с. 87–88].

Растущая цифровизация является вызовом для современного человека; она дает ему доступ к большим массивам знаний, однако взамен требует определенного уровня информационной культуры и технических навыков. Так, по данным ВЦИОМ на 6 августа 2020 г., доля россиян, имеющих компьютер, выросла с 2001 г. в 9,8 раз – с 8 до 78%, причем в 79% случаев они используют компьютер для выхода в Интернет для поиска информации, онлайн-покупок и общения в социальных сетях [Жизнь без компьютера 2020]. Расширение спектра цифровых услуг в социуме делает его более открытым и в то же время подконтрольным.

Развитие информационных технологий в России в XXI в. породило определенные надежды на перемены к лучшему в публичной сфере. Так, политолог А.Д. Трахтенберг, рассматривая модели взаимоотношений массовых коммуникаций и власти, высказал мнение, что Интернет приведет к возрождению публичной сферы и новому витку в ее развитии [Трахтенберг 2007, с. 224–231]. Между тем менее оптимистически настроенные обществоведы указывают на то, что закрытый характер информации в нем, замкнутость кластеров пользователей-единомышленников, а также неготовность последних к кооперации не выведут гражданское общество на качественно новый этап развития. Очевидно, ближе к истине в оценке влияния информационной эпохи на гражданское общество находятся сторонники срединного подхода. Они признают позитивными тенденциями развитие интернет-технологий и создание новой коммуникативной среды, однако считают слабым местом то обстоятельство, что Рунет остается частью «периферии» публичной сферы. В ее рамках возможны определенная автономия и свобода дискуссии, а также модерирование обсуждения целого ряда общественно-значимых проблем, между тем ее фрагментированным сегментам сложно конкурировать с контролируемым властью «ядром», тиражирующим политически значимые идеи широкой публике [Малинова 2011, с. 277–278].

Фокусом настоящего исследования станут прогнозы тенденций трансформации гражданского общества в информационно-цифровую эпоху видных обществоведов современности, а также концепции сетевого (цифрового) общества, позволяющие объяснить эту эволюцию. Создававшиеся на заре информационного общества, эти концепции конструировали образ будущего, которое сегодня уже наступило. В настоящей статье планируется выявить ключевые тенденции приспособления публичной сферы к новой среде, а также рассмотреть потенциальные риски, которые несет для нее цифровая эпоха. Под публичной сферой понимается сфера отношений между представителями государственного аппарата и гражданами, которые, согласно концепции Юргена Хабермаса, из контрагента власти

становятся на определенном этапе ее полноправным партнером и оппонентом, критически мыслящим субъектом, составляя публичную сферу и участвуя в осуществлении публичной политики.

Сетевое общество и новые формы идентичности: позиция Мануэля Кастельса

Видный американский социолог Мануэль Кастельс провел развернутый анализ факторов, приводящих к формированию сетевого общества. Исходя из постулата, что информация по своей природе является ресурсом, который легче других преодолевает границы, он рассматривает информационную эру как время глобализации и обретения обществом черт глобального сетевого общества. Сетевые структуры трактуются одновременно и как средство, и как результат глобализации общества. Связывая между собой людей и институты, сети составляют новую социальную морфологию современного общества, а характерная для последнего сетевая логика сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. Власть сетей оказывается в новых условиях сильнее структур власти, а принадлежность к той или иной сети выступает в качестве важнейшего источника власти [Кастельс 2000, с. 105–145].

Институты современного общества выстраиваются вокруг сетей, информации и коммуникационных технологий. Работа с информацией в части ее сбора, обработки и передачи становится основополагающим источником власти. Знаковыми явлениями для переживаемых миром перемен служат революционные изменения в технологии обработки информации и в осуществлении коммуникаций. Поскольку цифровое общество характеризуется сетевой логикой, то в осуществляемые в нем коммуникации включаются организованные упорядоченности людей в сфере производства и потребления, реализации публичной власти [Кастельс 2016, с. 41–42].

Основным противоречием и одновременно движущей силой развития общества, основанного на сетевых структурах, является противоречие между глобализацией мира и идентичностью (самобытностью) конкретного сообщества. Опираясь на концепцию французского социолога Алена Турена, М. Кастельс вводит понятия «идентичность сопротивления» и «идентичность, устремленная в будущее» [Кастельс 2016, с. 54–56].

В обществе сетевых структур наряду с государством, глобальными сетями и индивидуумами существуют сообщества, которые объединяются вокруг идентичности сопротивления. Данные сообщества минимально включены в структуры традиционного гражданского общества и занимают протестную позицию по отношению ко многим процессам. Сопротивление направлено, прежде всего, против глобализации как основополагающей тенденции современного общества. Другой неизбежный конфликт – это противостояние технологиям, которые поддерживают сетевой характер деятельности третьего сектора, но порождают ужесточение контроля над ним в интересах безопасности [Кастельс 2016, с. 59]. Примером в данном случае является движение антиглобалистов, родившееся на рубеже XX–XXI вв. из потребности противостоять определенным аспектам

глобализации, в частности доминированию глобальных транснациональных корпораций и торгово-промышленных организаций. В нынешнем столетии движение антиглобалистов приобрело широкую социальную базу за счет включения в него многих гражданских активистов: защитников животных, «зеленых», борцов за права человека, представителей экологических и антивоенных движений, сторонников притесняемых религий, противников аборт и др.

Однако часть сообществ, исповедующих дух сопротивления, способна преобразоваться в новое качество, перейти от идентичности сопротивления к идентичности, устремленной в будущее, способствуя развитию гражданского общества. К сообществам, способным к переходу в новое качество, М. Кастельс относил женские объединения и движения экологов. В качестве признаков их соответствия архитектуре сетевого общества можно указать децентрализованную форму организации и самоорганизующиеся системы циркулирования информации внутри них. Женский активизм составляет важный и динамичный срез современного гражданского общества. Он включен в информационно-цифровую среду, накапливает свой капитал в онлайн-пространстве, а затем конвертирует его в офлайн в формате публичных акций. Крупным современным движением такого рода является Women's March. Оно было вызвано к жизни недовольством женщин и мужчин разных стран дискриминационными антиженскими высказываниями и заявлениями американского президента Д. Трампа в период его предвыборной кампании. Движение оформилось в ноябре 2016 г., когда на базе социальной платформы Facebook была создана социальная сеть Women's March. За несколько дней к ней присоединились тысячи женщин по всему миру, подписавшись на участие в женском марше 21 января 2017 г. Организованные движением в 2017–2019 гг. марши транслировались в прямом эфире видеохостингом YouTube, а также социальными платформами Facebook и Twitter. В первом политическом марше в США приняли участие более 5 млн чел., что составило 1,6% населения; по всему миру было проведено 673 марша на семи континентах; в них участвовало более 7 млн чел. Участники и сторонники Women's March организовали кампанию «10 действий за 100 дней», в рамках которой они обращались каждые 10 дней с ключевым вопросом к политикам, рассылали письма «Слушай наш голос», привлекали женщин к участию на выборах различного уровня. В числе результатов стал беспрецедентный рост числа женщин-кандидатов в Демократической партии [Гнедаш 2019, с. 58–59].

Другим ярким проявлением женского гражданского активизма в социальных сетях стало движение (флешмоб) “Me Too”, когда известные и неизвестные женщины признавались о случившихся в их жизни домогательствах, насилии и гендерной дискриминации на рабочем месте. Основательница движения актриса Алисса Милано 15 октября 2017 г. опубликовала в соцсети Twitter призыв написать “me too” женщинам, которые подверглись сексуальному насилию, чтобы показать масштабы проблемы. На ее твит ответили тысячи человек, люди, желавшие рассказать о своем негативном опыте, отмечали свои публикации хэштегом #MeToo. Результатом признаний голливудских актрис, певиц и спортсменов стали гендерная модернизация американских киностудий и включение вопросов защиты женщин от насилия и домогательств на рабочих местах в трудовые контракты в разных профессиональных сферах США [Гнедаш 2019, с. 59].

Идентичностью, устремленной в будущее, обладают, на наш взгляд, антикризисные гражданские коммуникации, мобилизующие общественность на вы-

работку антикризисных моделей поведения. Развитие такой коммуникации началось в России в 2010 г., когда большинство регионов охватила волна лесных пожаров. Социальные сети и блогеры взяли на себя функцию информирования населения, предоставляя не только визуальные образы трагических событий, но и предложив онлайн-проекты, которые способствовали координации гражданских инициатив в оказании помощи пострадавшим. Очередной пример антикризисного гражданского движения возник в России в 2020 г. в условиях пандемии COVID-19. Речь идет о волонтерском проекте COVIDарность, нацеленном на помощь людям в борьбе с коронавирусной инфекцией. Он был организован для помощи в самоорганизации соседских сообществ¹. В рамках этого проекта был создан бот в соцсети Telegram, с помощью которого люди могли найти или создать локальные сообщества. Авторы проекта выложили в сети четкие инструкции для волонтеров, чтобы сформировать у них представление о том, как помочь людям, относящимся к группам риска: лицам с хроническими заболеваниями, людям старше 60 лет, родителям-одиночкам и пр. В условиях самоизоляции общение в чатах оказалось самым оперативным и эффективным способом обмена информацией и, используя их, желающие помочь или получить помощь люди могли быстрее найти друг друга.

По мнению М. Кастельса, в сетевом обществе заметно возрастает значение фактора адаптивности – способности институтов гражданского общества к перестройке. Здесь действует правило существования транснациональных корпораций, т. е. продолжают успешно работать трансформировавшиеся корпорации. Поучительным примером является формула успеха компании Toyota, избравшей принцип «пяти нулей»: отсутствие дефектов, технических ошибок, отсрочек, бумажной работы и материально-производственных запасов [Кастельс 2000, с. 169].

Сетевое общество ставит под вопрос прежние формы стратификации, вырабатывая при этом новые. На смену среднему классу, выступавшему социальной базой позднего индустриального общества, приходит группа работников экспертного информационного труда. В первую очередь это технократы – сотрудники крупных корпораций, а также представители средств массовой информации и политики. Они консультируют по вопросам, связанным с их профессиональными интересами, и склонны руководствоваться не соображениями всеобщего блага, лежащими в основании классических концепций гражданского общества, но конкретными интересами объединений и кругов, которые они представляют. Абстрактные идеи общего блага и прогресса как ценностных оснований для функционирования общественных институтов, высказываемые Алексисом де Токвилем и иными классическими теоретиками публичной сферы, заменяются в этом дискурсе представлениями о полезности тех или иных новаций для публичной сферы с точки зрения развития высоких технологий, электронного бизнеса и новой экономики.

Коммуникации в цифровом обществе: взгляд Юргена Хабермаса и Никласа Лумана

Создатели классических теорий гражданского общества XX столетия пишут о нем как об обществе, в котором представлены горизонтальные связи и установлены

¹ <https://covidarnost.ru/>

коммуникации. При этом развитость коммуникаций между институтами публичной сферы трактуется как важнейший индикатор состояния гражданского общества. Так, немецкий философ Юрген Хабермас понимает гражданское общество как сферу между личностью и государством, где происходят их коммуникация. Коммуникацию осуществляют акторы гражданского общества и, прежде всего, добровольные ассоциации, а также независимые СМИ, спортивные и дискуссионные клубы, группы для совместного проведения досуга, гражданские инициативы и форумы, профессиональные объединения. Взаимодействующие между собой объединения и неформальные группы интересов дают гражданам возможность управлять самостоятельно и формировать независимые суждения, т. е. «кристаллизуют автономную публичность» [Хабермас 2016, с. 41–42].

Коммуникации и отлаженные коммуникационные связи являются основополагающей характеристикой современного общества в понимании Никласа Лумана. «Общество состоит не из людей, а из межчеловеческих коммуникативных связей», – пишет Н. Луман [Luhmann 1990, p. 5]. Представляя социум в виде социальной системы, Н. Луман видит ее отличительным свойством не только взаимосвязь ее элементов и подсистем, но и обособление от среды. Система Лумана – это, в первую очередь, система коммуникаций; процессы коммуникации определяют как формирование системы, так и ее дифференциацию на подсистемы. Каждой системе Н. Луман присваивает специфический код, делающий возможным обращение в ней информации. Заимствуя из биологии и нейрофизиологии понятие «аутопоэсис»², Н. Луман применяет его к социальной системе, характеризует ее как аутопоэтическую, т. е. функционирующую согласно собственной логике, самостоятельно производящую основные элементы, обозначающую границы и определяющую структуру, самореферентную и замкнутую, лишённую прямых связей со средой. Наделяя этими качествами современное общество, Н. Луман фиксирует в его структуре функциональные подсистемы (экономику, политику, право, науку, религию, искусство, любовь и семью), обладающие собственными кодами. При этом коммуникации, по Н. Луману, осуществляются скорее внутри подсистем, нежели между ними [Шацкий 2018, с. 609–613; Luhmann 1990, pp. 1–20]. Коммуникации, согласно Н. Луману, не способны сделать общество бесконфликтным; в нем нет места, из которого люди могли бы защищать его от опасностей; современное общество не может адекватно противостоять экологической угрозе, а также рискам, связанным с атомной энергетикой [Йоас, Кнёбль 2011, с. 398–399].

Юрген Хабермас указывает на такое присущее коммуникативной среде современного общества противоречие, как неравномерность в доступе к новым медиа и в способности людей справляться с «информационным наводнением». Ученый отмечает зависимость доступности информации от уровня владения капиталом, гендерной принадлежности и образования. Создается ситуация своего рода цифрового водораздела между людьми (digital divide), которые с различной степенью полноты пользуются Интернетом. Ускоряющийся процесс внедрения технологических новинок ведет к расширению и сгущению коммуникационных сетей и к дальнейшей дифференциации массовой публики [Хабермас 2012, с. 126–127, 129]. Ю. Хабермас утверждает, что по мере трансформации общества социальная среда существенно видоизменяется, публичная сфера становится все более дифференцированной, в ней выделяется большое число организаций, испо-

² Самопостроение/самовоспроизводство.

ведущих различные идеологии. В этих условиях непосредственные связи между людьми ослабевают, отношения овеществляются и становятся опосредованными [Хабермас 2003, с. 10–12, 354–356; McCarthy 1984].

Вопрос о рисках для развития публичной сферы занимает в концепции Ю. Хабермаса существенное место. Теоретик полагает, что развитие социальных систем таит угрозу жизненному миру. Управляемые политическими и экономическими механизмами системы стремятся «колонизировать жизненный мир», что нарушает равновесие, поскольку жизненный мир первичен, тогда как системы возникли в процессе его дифференциации. Хабермас утверждает, что линии противоборства между системой и жизненным миром настолько глубоко пронизывают общественные отношения, что могут порождать социальные конфликты и усиливать протестный потенциал в развитии общества. Ученый полагает, что если системные механизмы станут вмешиваться в повседневную жизнь людей, то последние будут оказывать сопротивление [Йоас, Кнёбль 2011, с. 352].

Ярким примером в данном случае могут служить экологические движения, участники которых выступают против игнорирования властями вопросов экологии и климата. Активисты этого важного сегмента современного гражданского общества пытаются противостоять бездействию политиков в сфере сохранения окружающей среды. Так, например, идеологи основанного в Швеции в 2018 г. 15-летней активисткой Гретой Тунберг международного движения школьников, студентов и взрослых Fridays For Future («Пятницы ради будущего») рассуждают о конфликте между системой и жизненным миром в духе хабермасовской идеи. Активисты-экологи имеют перед собой образ общества, живущего в гармонии с окружающей средой; они стремятся привлечь общественное внимание к климатическому кризису, мобилизовать ученых и политиков к действиям по предупреждению глобального потепления. Экологи проводят просветительские мероприятия онлайн, организуют пикеты и протестные акции. Движение не имеет географических границ: акции проходят по всему миру и постепенно начинают оказывать воздействие на бизнес и корпорации.

Угроза колонизации жизненного мира исходит и от государства. Еще на рубеже 1960–1970-х гг., когда в Западной Европе формировалось государство всеобщего благосостояния, Ю. Хабермас описал возникающие в этой связи риски. Он указал на кардинальное расширение функций государства и стремление к тотальному вмешательству во все сферы жизни, определения «сверху» курса в области научных исследований и технологий. Политика такого государства нацелена в первую очередь на решение технико-монетарных проблем, тогда как ценностное ее содержание почти всецело исключается из поля зрения. Такая политика приводит к изменению роли граждан, которые призваны стать пассивным объектом мер, принимаемых экспертами им во благо. Государство всеобщего благосостояния стремится к детальному регулированию общественных отношений правовыми и бюрократическими средствами, вытесняя взаимодействия, базирующиеся на принципах жизненного мира. Повседневные коммуникации между людьми заменяются вмешательством с опорой на власть и бюрократию [Йоас, Кнёбль 2011, с. 316–317, 352].

Сначала перспективы развития публичной сферы в условиях государства всеобщего благосостояния Ю. Хабермас оценивал сугубо негативно. Он полагал, что XX в., характеризовавшийся коммерциализацией и расширением сферы профессиональной и партийной политики, был способен выработать лишь дегенеративную

форму общественности. В более поздних работах ученый возлагает определенную надежду на публичную сферу, которая вносит вклад в демократическую легитимацию государственных действий, участвует в отборе предметов, адекватных для принятия политических решений, а также в их связывании с целью формирования конкурирующих общественных мнений [*Хабермас* 2012, с. 105–110].

Другая диспропорция в характере массовых коммуникаций в цифровом обществе – это их асимметричная структура. Наряду с абстрактным характером публичной сферы она превращает участников взаимодействия в пассивных зрителей, которые призваны задавать вопросы и оппонировать друг другу, занимая при этом инертную позицию потребителей услуг. То обстоятельство, что значительная часть участников коммуникации лишена возможности оказывать на нее сколько-нибудь заметное влияние, сказывается на состоянии третьего сектора в цифровую эпоху, ведет к снижению доверия к нему. Выделяются несколько типов активных исполнителей ролей в виртуальном пространстве. Это медиа-интеллектуалы, прежде всего журналисты, заботящиеся об оперативном освещении происходящего; активную роль играют и политики, выступающие одновременно в качестве потребителей и соавторов общественных мнений. Обе группы дискутируют между собой и имеют целью воздействие на умы анонимной публики [*Хабермас* 2012, с. 126–127, 129].

Проблема активных акторов публичной сферы цифрового общества привлекает внимание ученых. Так, немецкий профессор Бернхард Петерс выделяет несколько подобных категорий, выступающих на виртуальной сцене публичной сферы и формирующих общественное мнение. В их числе работники массмедиа и профессиональные политики, а также лоббисты, выражающие интересы тех или иных заинтересованных групп, наконец, защитники общих интересов, представляющие различные организации. Влиятельными являются и представители предпринимательских элит; они обращают общественное внимание на те или иные темы, которым не было уделено достаточного внимания. Не последнюю роль играют и эксперты, консультирующие по вопросам, связанным с их профессиональными знаниями, – медики, ученые, писатели и др., готовые использовать свой опыт для обсуждения злободневных вопросов [*Peters* 2007, р. 76].

К числу изменений в публичной сфере в индустриально-цифровую эпоху Ю. Хабермас относит ее фрагментацию. Он отмечает, что возникновение миллионов распыленных по всему миру интернет-чатов (chat rooms) и объединенных во всемирную сеть форумов (issue publics) способствует фрагментации массовой публики, численно большой, однако сосредоточенной на различных вопросах. Она распадается в виртуальном пространстве на колоссальное число раздробленных и занятых специальными вопросами случайных групп. Социальный теоретик утверждает, что имеющиеся ныне национальные публичные сферы под воздействием сетей будут скорее подорваны, чем укреплены. Если социальное общение в классическом виде (face to face) требует обмена ролями между говорящими и адресатами речи, то массовая коммуникация в публичной сфере сравнивается со сценой, которая не позволяет проводить обмен ролями между немногочисленными актерами и безмолвно наблюдающей за ними публикой. Изменение сущности коммуникации приводит к ослаблению гражданских институций. Web создает, по его выражению, условия для сгущенной и ускоренной коммуникации, однако она не может противостоять центробежным тенденциям в рамках публичной сферы. В виртуальном пространстве отсутствуют эквиваленты тех структур публич-

ности, которые улавливают, селекционируют и синтезируют децентрализованные сообщения [Хабермас 2012, с. 129–131].

По поводу влияния новых технологий на политическую коммуникацию в публичной сфере Ю. Хабермас высказывался не менее определенно. Он полагает, что политическая коммуникация сможет извлекать из дебатов в онлайн-пространстве пользу только тогда, когда проявляющим активность в сети группам удастся затронуть реальные и насущные для людей интересы. Одним из таких жизненных процессов ученый признает предвыборную борьбу как способ мобилизации сторонников тех или иных кандидатов и программ [Хабермас 2012, с. 131].

Британский исследователь электорального менеджмента Т. Джеймс развил тезис Ю. Хабермаса применительно к управлению выборами с использованием возможностей сетевого анализа и выделил несколько ключевых типов управленческих сетей, работающих в ходе выборов. Он пришел к выводу, что наиболее перспективной для современных демократических выборов является плюралистическая сеть сотрудничества (pluralistic collaborative network), когда в избирательной кампании участвует широкий круг государственных органов, открытых к взаимодействию с гражданским обществом [James 2019]. В настоящее время влияние социальных сетей на муниципальные и общегосударственные выборы неоспоримо: например, опираясь на сети Facebook и Twitter, на муниципальных выборах в 2019 г. в Стамбуле и Анкаре оппозиционные кандидаты обошли правительственных. Представители оппозиционной турецкой Народно-республиканской партии не имели равного с правительственными кандидатами доступа к традиционным СМИ, но количество подписчиков у них в Facebook было почти в 2,5 раза больше, что решило исход выборов в их пользу [Гасанов 2019, с. 49–53].

Автор коллективного новейшего исследования публичной сферы и режимов публичности в России Майкл Горэм поддержал скептический настрой Ю. Хабермаса по поводу влияния современных массмедиа на публичную сферу. Однако это не помешало ему признать коммуникацию в интернет-пространстве независимой альтернативой офлайн-медиа. Цифровые платформы в современной России, по мнению М. Горэма, все чаще выступают в качестве каналов социальной мобилизации и гражданской активности, продуцируя успехи публичной сферы в диалоге с властью. Они выражаются, в частности, в том, что интернет-дискуссии на публичные темы способствуют корректировке государственными чиновниками своих решений, будь то строительство федеральной трассы через подмосковные леса или нарушение правил дорожного движения служебными автомобилями в Москве. Таким образом, цифровая публичная сфера, пусть и недостаточно совершенная, демонстрирует способность инициировать публичный диалог по значимым для общества вопросам и стимулировать формирование общественного мнения [Атнашев и др. 2021, с. 687–688].

Воздействие информационно-цифровой среды на взаимоотношения гражданского общества и государства

Распространение интернет-коммуникаций создает новое окно возможностей для публичной власти в налаживании взаимодействия с гражданским обществом. Оно позволяет власти формировать виртуальные дискуссионные площадки для

обсуждения значимых вопросов, информировать население и мобилизовать его на решение проблем. Государственные структуры активно включились в цифровую среду посредством создания электронного правительства, призванного восполнить пробелы представительной демократии, наделить гражданское общество переговорным потенциалом и оказывать влияние на политическую повестку, будучи информированным о положении дел в управлении. Подобная политическая модель в идеале должна способствовать достижению консенсуса власти и общества. Электронное участие выходит за рамки политической сферы и предполагает использование интернет-сервисов для информирования граждан и вовлечения их в принятие решений. Онлайн-механизмы диалога с гражданами позволяют властям учитывать мнение общества и динамично реагировать на общественные запросы. Посредством онлайн-работы с гражданами у государства появляется возможность вырабатывать новую повестку дня в публичной политике, а также контролировать нижестоящие уровни управления. Государственные интернет-проекты имеют и символическое значение, т. к. способствуют повышению легитимности политического режима, свидетельствуют, что последний «слышит» общество и учитывает его в принятии решений [Кабанов 2016, с. 36, 38]. Социальные сети объективно способствуют повышению информированности гражданского общества о положении дел в органах власти, ведут к уменьшению информационного вакуума между обществом и властью [Curran 2005].

Между тем информационно-коммуникационные технологии вносят в палитру отношений государства и общества не только позитивные краски. Свободная коммуникация бросает вызов традиционным властным отношениям, основанным на представлении об иерархии общественных институтов и стремлении к сохранению этой унификации. Создаваемая ею связь между людьми закладывает основы для альтернативной социальной мобилизации, выражающейся в протестных акциях и иных формах, которые повышают конфликтность социальной системы. Вследствие этого свободное взаимодействие в сетях сочетается с жесткими мерами контроля над гражданским обществом и действиями его активистов в виртуальном пространстве. Публичная власть стремится контролировать общественные дискуссии, поддерживая относительно безопасные, а зачастую и не самые магистральные темы, старается стимулировать экономическую активность, ограничивая при этом политический потенциал виртуального пространства. Помимо этого, технологии передачи информации с использованием социальных сетей нередко используются для манипулирования общественным мнением: происходит смещение акцентов в восприятии окружающего мира с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный, что порождает поверхностное восприятие информации. Данная модель коммуникации с обществом характерна в большей мере для стран с авторитарной политической системой, где государственный аппарат пользуется технологиями в качестве способа получения информации от общества и воздействия на него, не делает его соучастником в формировании политической повестки дня.

Высказанные Ю. Хабермасом на заре цифрового общества опасения относительно потенциальной конфликтности властно-общественных отношений находят подтверждение в исследованиях последних лет, проводимых как социальными теоретиками, так и международными организациями. Они касаются нового формата отношений власти и общества в условиях сетевых взаимодействий. В политоло-

гических исследованиях данный феномен именуется «цифровой (или электронный) авторитаризм» [Райт 2018; Кабанов 2016], сущность которого заключается в том, что, развивая сетевые взаимодействия и допуская относительно свободное общение в сети, государственные институты стремятся к усилению вмешательства в данные процессы. Публичная власть выполняет в интернет-пространстве функцию не просто участника, но и регулятора. Не только авторитарные или условно демократические страны (лидером цифрового авторитаризма признается Китай), но и такие известные «флагманы» демократии, как США и страны ЕС, пытаются контролировать сетевые взаимодействия, порой ограничивая их. К проявлениям цифрового авторитаризма можно отнести борьбу с «фейковыми новостями» посредством ужесточения национальных законодательств и блокирования интернет-ресурсов, создание систем контроля над персональными данными.

Согласно информации американской неправительственной организации Freedom House, которая используется для составления рейтинга свободы в Интернете³, на протяжении последнего десятилетия свобода в сетях во всем мире неуклонно уменьшается. Так, в отчете Freedom on the Net от 5 ноября 2019 г. указывалось, что глобальная свобода Интернета начиная с 2010 г. неизменно сокращается, а социальные сети вместо обеспечения равных условий для гражданских дискуссий становятся инструментом общественного и политического контроля. Из 65 стран, где проводилась оценка в 2019 г., снижение свободы Интернета наблюдалось в 33. Оно было наиболее заметно в Судане и Казахстане, где свержение президентов привело к повсеместной блокировке платформ социальных сетей, нарушениям подключения к Интернету и широкому использованию электронной слежки для ограничения свободы выражения мнений. В 26 из 30 стран были обнаружены доказательства вмешательства в цифровые выборы: манипулирование онлайн-дискуссиями, ограничения доступа, наказание политических оппонентов и пр. В 20 странах социальные сети и коммуникационные приложения блокировались в преддверии выборов либо в периоды гражданских беспорядков. Также доклад показал снижение свободы Интернета в США, где, несмотря на динамичную и свободную от государственной цензуры онлайн-среду, отмечался возросший контроль за общественностью со стороны правоохранительных и иммиграционных органов, усиление мониторинга платформ социальных сетей и манипуляция контентом. Лучшим в мире защитником свободы Интернета признана Исландия, в которой налажена практически универсальная связь и осуществляется защита прав пользователей [Freedom on the Net 2019].

Отмеченная Freedom House применительно к 2019 г. тенденция сохранялась и в 2020, и в 2021 г. Приводя конкретные данные рейтинга свободы в Интернете в 2021 г., аналитики организации резюмируют, что стремление контролировать сетевые технологии становится глобальным, а в битве с высокими ставками между государствами и технологическими компаниями зачастую главными жертвами становятся права пользователей Интернета [Freedom on the Net 2021]. В эпоху COVID-19, когда подключение к Интернету стало необходимостью, а в цифровую среду переместились практически все виды человеческой деятельности – от образования и здравоохранения до торговли, политики и общения – свобода Интернета стала снижаться наиболее резкими темпами. Во многих странах государственные

³ Уровень свободы рассчитывался на основании таких критериев, как препятствия для доступа в Интернет, ограничения на контент и нарушения прав пользователей.

и негосударственные субъекты использовали созданные пандемией возможности для цензуры критических высказываний и создания новых технологических систем социального контроля.

«Пандемия подпитывает цифровые репрессии во всем мире», – к такому выводу приходят авторы доклада организации Freedom House в 2020 г. В исследовании показано, что правительства не выполнили обязательств по содействию динамичной публичной сфере в Интернете, а, напротив, использовали пандемию в качестве предлога для ограничения доступа к информации. Они нередко блокировали независимые новостные сайты и распространяли вводящую в заблуждение информацию, чтобы отвлечь общественность от политических акций; некоторые государства отключали связь для маргинализированных групп населения, расширяя и углубляя тем самым существующие цифровые разрывы. Кризис общественного здравоохранения открыл возможности для оцифровки, сбора и анализа частных данных людей без адекватной защиты от злоупотреблений. Правительства и частные организации расширили использование искусственного интеллекта, биометрического наблюдения и инструментов больших данных для принятия решений, влияющих на экономические, социальные и политические права людей. В докладе подчеркивалось, что правительственным решениям недоставало прозрачности и независимого надзора со стороны общества, а подобного рода методы сделали возможной перспективу мрачного будущего, в котором частные компании, службы безопасности и киберпреступники «получат легкий доступ не только к конфиденциальной информации о местах, которые мы посещаем, и предметах, которые мы покупаем, но и к нашим историям болезни, моделям лица и голоса» [Shahbaz, Funk 2020].

По мнению авторов доклада организации Freedom House, способами сдерживания цифрового авторитаризма является признание значения гражданского общества и статуса в сетевом пространстве таких акторов публичной политики, как сетевые структуры, блогеры, виртуальные приемные и др.

Снижение индекса социального капитала и гражданской вовлеченности: кризисные явления современного общества в оценке Роберта Патнэма

Существенным ресурсом для развития цифрового общества является социальный капитал. Обратимся к выводам американского политолога Роберта Патнэма, обнаружившего его влияние на состояние гражданского общества. Социальный капитал для Р. Патнэма – это гражданский ресурс особого рода, базирующийся на социальном доверии, социальных связях, социальных сетях, соответствующих нормах и гражданской ответственности. Р. Патнэм показывает, что в современном социуме происходит приватизация социального капитала, которая составляет главную угрозу общественной солидарности, но в то же время с помощью целенаправленных общественных усилий его запасы могут быть восстановлены [Putnam 2001, pp. 780–782]. Исследуя взаимозависимость культуры и экономического благосостояния различных сообществ, ученый пришел к выводу, что материальное благосостояние не является причиной развития социального капитала, но экономический рост происходит в тех странах, где имеется развитая гражданственность.

Основываясь на обширных статистических данных, иллюстрирующих изменения в институтах гражданского общества и практиках коммуникаций в длительной ретроспективе, Р. Патнэм показал, что гражданская активность жителей США неуклонно сокращается. Она оценивается по таким показателям, как контакты на рабочем месте и иные неформальные социальные связи, участие в заседаниях общественных комиссий при различных органах, членство в филиальных отделениях организаций, ситуация с добровольчеством и филантропией, а также по ценностным установкам американцев: альтруизму, солидарности и доверию. Проводя сравнение процентного соотношения голосующих на президентских выборах в период с 1828 по 1996 г., он установил, что наиболее высокий процент участия населения пришелся на выборы 1900 г., тогда как к 2000 г. этот показатель снизился более чем на треть, что свидетельствует о падении индекса социального капитала, выступающего важным атрибутом гражданского общества [Putnam 2000, pp. 31–32].

Другой существенный параметр, характеризующий положение дел с социальным капиталом, – это численность активистов некоммерческого сектора. Анализируя данный показатель, ученый указывает, что число участников в таких различающихся по задачам гражданских ассоциациях, как Американская ассоциация университетских женщин, Американский Конгресс боулинга, Американский легион, Красный Крест, со временем неуклонно сокращается. В профессиональных ассоциациях, к которым ученый причисляет организации адвокатов, стоматологов, архитекторов и др., показатели снижения численности членов не столь ощутимы, однако и в них не наблюдается прироста [Putnam 2000, pp. 438–439].

Схожие явления прослеживаются в США и в отношении гражданского участия – важнейшего индикатора социального капитала. Гражданское участие связывается с членством в различных организациях и с регулярным посещением их мероприятий оффлайн. Исследование Р. Патнэма продемонстрировало, что в современной Америке активная вовлеченность граждан в организации, требующие взаимодействия «лицом к лицу», падает. Многие американцы продолжают заявлять о своем участии в различных организациях, но предпочитают не тратить время на традиционные практики: отказываются работать в управляющих органах ассоциаций, участвовать в публичных и массовых формах их деятельности, направлять петиции в органы власти [Putnam 2000, pp. 63–64]. Совместной «игре в боулинг» граждане США предпочли просмотр телевизора и пребывание в Интернете, а функцию представительства их интересов исполняют организации, поддерживающие связь со своими клиентами исключительно по электронной почте. Продолжают процветать общенациональные организации, специализировавшиеся не на общественных, а на частных интересах (например, Американская ассоциация пенсионеров, отдельные виды объединений, связанных с обучением детей и экологией), однако участники этих организаций не встречаются, а только платят членские взносы и читают письма с новостями о своих организациях [Putnam 2000, pp. 22–26, 46–47].

Тягу к избыточной автономности гарвардский политолог считает особенностью общества постмодерна. Поддержание жизнедеятельности гражданских ассоциаций признается им стратегической задачей современности, решение которой необходимо для того, чтобы истинная демократия не подменялась «картофельно-диванной». Возросшее могущество телекоммуникационных и компьютерных сетей, а также созданное ими переформатирование трудовой деятельности

включаются ученым в общий ряд факторов, породивших сложную ситуацию с гражданским участием. Признавая развитие электронных коммуникаций революцией, Р. Патнэм отмечает, что последняя «осветила наши души и просветила наши умы, но <...> сделала наш досуг более частным и пассивным». По мере того, как выход в киберпространство становится для населения все более привычным, совместное участие в общественной деятельности приобретает меньшее значение, а молодое поколение все чаще делает акцент на визуальных развлечениях, а не на достижении общественно-полезных целей [Putnam 2000, p. 245].

В проведенном в 2001 г. при участии ученых из ряда стран⁴ кросс-культурном межстрановом эмпирическом исследовании Р. Патнэм доказывает, что ситуация с сокращением гражданского участия является не сугубо американской, но присуща населению мира в целом. Во всех перечисленных странах происходит уменьшение численности членов ассоциаций, а на смену традиционным формам гражданского активизма приходят новые, не требующие физического присутствия: онлайн-голосования, подписание петиций в электронном виде и др. [Putnam 2001]. Между тем ученый утверждает, что именно распространение ассоциаций способствует развитию гражданских традиций и доверия, а также активизации экономического развития региона. Регионы с более крепкими гражданскими традициями оказываются более успешными в экономическом плане, они лучше управляются, в них наблюдается неуклонный рост качества жизни граждан. Доходы граждан с более высоким социальным капиталом становятся выше, улучшается их образование, здравоохранение, гражданская безопасность, снижается уровень преступности. На примере Италии Р. Патнэм выводит зависимость между численностью общественных организаций и уровнем гражданского активизма, который на севере Италии заметно выше, чем на юге [Putnam et al. 1993, p. 89].

Проецируя выводы Р. Патнэма на современное российское общество, где уровень доверия граждан к институтам и социальным практикам крайне низок, нельзя не высказать беспокойства по поводу перспектив гражданского участия и социального капитала. Так, согласно проведенному в августе 2020 г. Левада-Центром⁵ опросу о доверии российских граждан к основным социальным институтам, только три социальных института (Вооруженные силы РФ, президент и органы госбезопасности) имеют положительный баланс доверия, тогда как институты, призванные представлять и защищать интересы населения (Государственная дума, Совет Федерации, политические партии, правоохранительные и судебные органы, местная и региональная власть, профсоюзы) вызывают недоверие. Полное доверие, по мнению социологов Левада-Центра, означает консенсус в обществе по ключевым позициям. Его показатели наиболее высоки в скандинавских странах, но весьма низки в странах, оказавшихся в состоянии дезорганизации государства, гражданской или религиозной войны, интенсивной эмиграции (страны Африки и Ближнего Востока) [Доверие институтам 2019].

В то же время нельзя не вспомнить, что взлет экономик Японии и Китая был связан с высоким доверием граждан друг к другу и к институтам власти. Хотя правительства пытаются восполнить дефицит доверия ужесточением контроля над публичной сферой, но приведет ли это к росту социального капитала? Зависи-

⁴ Великобритания, Германия, Испания, Швеция, Франция, Австралия, Япония.

⁵ Аналитический центр Юрия Левады – некоммерческая организация, признанная выполняющей функции иностранного агента.

мость современного общества от социальных медиа растет, однако скажется ли это на росте готовности к участию в организациях третьего сектора? Влияет ли готовность современного человека к постоянному нахождению на связи в сети на его активность в публичной сфере? Эти вопросы не получают однозначного ответа.

Цифровизация породила новые формы участия в общественной жизни, а также цифровые платформы, подобные Move On, My Space, онлайн-банки и электронные правительства. Способы приобщения населения к свежим практикам и формам множатся, однако они существенно отличаются от тех форм гражданского участия, которые предлагает Р. Патнэм. Люди предпочитают общаться в соцсетях, участвовать в различного рода акциях и кампаниях, навязываемых им «сверху». Участие в социальных движениях становится все менее долговечным; к ним в определенные моменты присоединяются для достижения той или иной сиюминутной цели, а затем с легкостью от них отходят. На смену долгосрочной приверженности традиционным институтам и практикам приходит переменчивая поддержка, обусловленная сиюминутным интересом и соображениями личной пользы.

Такие характеристики сетевого общества, как отсутствие офлайн-контактов и сосредоточенность на онлайн-формах, ведут к сокращению социального капитала и утрате доверия. Между тем потенциал развития сетевого общества не в последнюю очередь определяется способностью государства и политических элит выработать механизмы координации взаимодействий субъектов производства знаний и новаций, а именно государства, некоммерческого сектора и бизнеса.

Заключение

Подводя итог сказанному, резюмируем, что воздействие сетевого общества на третий сектор носит не одномерный характер. С одной стороны, публичная сфера становится более открытой, ускоряется обмен информацией внутри нее, а также между ней и внешними акторами. Опирающиеся на компьютер и социальные сети коммуникации способствуют свободному выражению в социуме общественных мнений, формируют активную социальную среду, способную к скорой мобилизации и самоорганизации по интересам.

В сетевом обществе расширяются возможности для горизонтальных взаимодействий, при этом последние создают стимулы для развития третьего сектора. Они побуждают его институты быть более гибкими и восприимчивыми к внешней среде и внутрисекторным процессам, мобильно отвечать на вызовы времени и встраиваться в новые коммуникации. На передний план выходят институты третьего сектора и выстраивающиеся ими коммуникации в вопросах экологии, медицины, профессиональной взаимопомощи и др. Сетевое общество ставит под вопрос традиционные формы социальных коммуникаций и усиливает фрагментацию третьего сектора: далеко не все формализованные структуры способны отвечать духу времени и интегрироваться в новую виртуальную среду.

Классические практики гражданского участия, предполагающие вовлечение населения в формализованные организации, сменяют новые и краткосрочные акции, предполагающие взаимодействие в социальных сетях и в рамках различных проектов из соображений личного интереса. Участие людей в социальных

движениях становится менее долговечным. Они присоединяются к ним в определенные моменты для достижения той или иной цели, а затем с легкостью выходят из них. Возникновение альтернативных форм социального поведения и участия, когда на смену долгосрочной приверженности традиционным институтам и практикам приходит переменчивая поддержка, обусловленная минутным интересом и соображениями личной пользы, символизирует качественные изменения в характеристиках социального капитала и некоммерческого сектора.

Список источников

- Атнашев Т., Вайзер Т., Велижев М. (сост.) (2021) *Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. Сборник статей.* М.: Новое литературное обозрение.
- Валлерстайн И. (2003) *Конец знакомого мира: Социология XXI века.* М.: Логос.
- Гасанов М.А. (2019) Влияние социальных сетей Facebook и Twitter на выборы мэра Стамбула и Анкары // Морозова Е.В. и др. (ред.) *Политика в сетевом обществе: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Адлер, 16–19 мая 2019 г.).* Краснодар: Вика-Принт. С. 49–53.
- Гнедаш А.А. (2019) Новые формы политической мобилизации граждан и сообществ в сетевом обществе // Морозова Е.В. и др. (ред.) *Политика в сетевом обществе: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Адлер, 16–19 мая 2019 г.).* Краснодар: Вика-Принт. С. 58–61.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. (1996) *Ризома* // Усманова А. (ред.) *Философия эпохи постмодернизма.* Минск: Красико-принт. С. 9–31.
- Добринская Д.Е. (2019) Цифровое общество в социологической перспективе // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология.* № 4. С. 175–192. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192
- Доверие институтам (2019) // Левада-Центр. 21 сентября 2020 // <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/>, дата обращения 12.12.2021.
- Жизнь без компьютера – уходящая натура? (2020) // ВЦИОМ. 6 августа 2020 // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-bez-kompyutera-ukhodyashaya-natura>, дата обращения 12.12.2021.
- Йоас Х., Кнёбль В. (2011) *Социальная теория. 20 вводных лекций.* СПб.: Алетейя.
- Кабанов Ю.А. (2016) Электронный авторитаризм: институт электронного участия в демократических странах // *Полития.* № 4 (83). С. 36–55.
- Кастельс М. (2000) *Информационная эпоха: экономика, общество и культура.* М.: ВШЭ.
- Кастельс М. (2016) *Власть коммуникации. Учебное пособие.* М.: ВШЭ.
- Малинова О.Ю. (ред.) (2011) *Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы.* М.: РОССПЭН.
- Назарчук А.В. (2008) Сетевое общество и его философское осмысление // *Вопросы философии.* № 7. С. 61–75.
- Пригожин И.Р. (2008) Сетевое общество // *Социологические исследования.* № 1. С. 24–26.
- Райт Н. (2018) Как искусственный интеллект изменит глобальный порядок // *Россия в глобальной политике.* 16 июля 2018 // <https://globalaffairs.ru/articles/kak-iskusstvennyj-intellekt-izmenit-globalnyj-poryadok/>, дата обращения 12.12.2021.
- Трахтенберг А.Д. (2007) Интернет и возрождение «публичной сферы»: хабермасианский идеал и реальность Рунета // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук.* № 7. С. 224–231.
- Хабермас Ю. (2001) *Моральное сознание и коммуникативное действие.* СПб.: Наука.
- Хабермас Ю. (2003) *Философский дискурс о модерне.* М.: Весь мир.
- Хабермас Ю. (2008) *Вовлечение другого. Очерки политической теории.* СПб.: Наука.
- Хабермас Ю. (2012) *Ах, Европа. Небольшие политические сочинения.* М.: Весь мир.

- Хабермас Ю. (2016) Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир.
- Шацкий Е. (2018) История социологической мысли. Т. 2. М.: НЛЮ.
- Curran J. (2005) *Mediations of Democracy // Mass Media and Society* (eds. Curran J.P., Gurevitch M.), New York: Oxford University Press, pp. 122–149.
- Freedom on the Net. The Crisis of Social Media (2019) // Freedom House // https://www.freedomonthenet.org/sites/default/files/2019-11/11042019_Report_FH_FOTN_2019_final_Public_Download.pdf, дата обращения 12.12.2021.
- Freedom on the Net. The Global Drive to Control Big Tech (2021) // Freedom House // <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2021/global-drive-control-big-tech>, дата обращения 06.12.2021.
- James T. (2019) *Comparative Electoral Management: Performance, Networks and Instruments*, London and New York: Routledge.
- Honneth A., Joas H. (2002) *Kommunikatives Handeln. Beiträge zu Jürgen Habermas, "Theorie des kommunikativen Handelns"*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Luhmann N. (1990) *The Autopoiesis of Social Systems // Essays on Self-Reference*, New York: Columbia University Press, pp. 1–20.
- McCarthy Th.A. (1984) *The Critical Theory of Jürgen Habermas*, Cambridge.
- Peters B. (2007) *Öffentlicher Diskurs, Identität und das Problem demokratischer Legitimität // Der Sinn von Öffentliche*, Frankfurt/M., pp. 55–102.
- Putnam R.D. (2000) *Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community*, New York; London; Toronto; Sydney.
- Putnam R.D. (2001) *Gesellschaft und Gemeinsinn: Sozialkapital im internationalen Vergleich*, Gütersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, New York.
- Shahbaz A., Funk A. (2020) *The Pandemic Is Fueling Digital Repression Worldwide // Freedom House // https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2020/pandemics-digital-shadow*, дата обращения 12.12.2021.

Civil Society in the Information and Digital Age: Challenges of Transformation and Adaptation

A.S. TUMANOVA*, A.A. SAFONOV**

***Anastasiya S. Tumanova** – DSc in Law, Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, atumanova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3469-7144>

****Alexander A. Safonov** – DSc in Law, Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, asafonov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3577-5490>

Citation: Tumanova A.S., Safonov A.A. (2022) Civil Society in the Information and Digital Age: Challenges of Transformation and Adaptation. *Mir Rossii*, vol. 31, no 2, pp. 6–25 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-6-25

This research was supported by the HSE University Fundamental Research Program in 2022. The authors thank the anonymous reviewers of the journal “Mir Rossii” for their insightful and useful comments.

The article was received in December 2020.

Abstract

This study analyzes the impact of the information and digital age on civil society. The authors show that traditional institutions, practices, and values are transformed by digital communication. Classical ideas of civil society, created by social and political theorists from Alexis de Tocqueville to Jürgen Habermas, cease to work unconditionally, and the space of the public sphere has been profoundly reformatted.

The study focuses on theories and heuristic predictions of influential Western social theorists of the 20th century: Manuel Castels, Jürgen Habermas, Niklas Luman, and Robert Putnam. This approach is productive because much of what theorists predicted at the dawn of the network society has been realized, and because it enables us to develop a holistic idea of the impact of network communications on the third sector. This synthesis of theoretical approaches to adapting the third sector to the digital environment is one of the first attempts to theoretically synthesize ideas about the vector of development of the public sphere under the influence of modern challenges.

The authors conclude that the reformatting of the civil society space in the information and digital age is double-edged. Although, the public sphere demonstrates the ability to mobilize and organize itself quickly in an open communication network environment and to expand its influence and overcome national borders, the network society also increases the fragmentation of the third sector, giving impetus to the development of a number of actions involving interaction in networks to achieve certain short-term goals, while muting many traditional forms of self-organization and civil participation. The authors analyze the dialectic of relations between civil society and the state, which is expressed in the desire of civil society activists to expand their presence in the network and reduce state control and in the state's expanded capabilities to exercise control over citizens and the public sphere in all areas.

Keywords: *civil society, third sector, public sphere, information and digital age, social theory, network mobilization*

References

- Atnashev T., Weiser T., Velizhev M. (comp.) (2021) *Imperfect Public Sphere. History of PUBLICITY REGIMES in Russia. Collection of Articles*, Moscow: New literary review (in Russian).
- Castells M. (2000) *The Information Age: Economy, Society and Culture*, Moscow: HSE (in Russian).
- Castells M. (2016) *Communication Power*, Moscow: HSE (in Russian).
- Curran J. (2005) Mediations of Democracy. *Mass Media and Society* (eds. Curran J.P., Gurevitch M.), New York: Oxford University Press, pp. 122–149.
- Deleuze J., Guattari F. (1996) Rizoma. *Philosophy of the Postmodernism Era* (ed. Usmanova A.), Minsk: Krasiko-print, pp. 9–31 (in Russian).
- Dobrinskaya D.E. (2019) Digital Society in a Sociological Perspective. *Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*, no 4, pp. 175–192 (in Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192
- Freedom on the Net. The Crisis of Social Media (2019). *Freedom House*. Available at: https://www.freedomonthenet.org/sites/default/files/2019-11/11042019_Report_FH_FOTN_2019_final_Public_Download.pdf, accessed 12.12.2021.
- Freedom on the Net. The Global Drive to Control Big Tech (2021). *Freedom House*. Available at: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2021/global-drive-control-big-tech>, accessed 12.12.2021.

- Gnedash A.A. (2019) New Forms of Political Mobilization of Citizens and Communities in a Network Society. *Politics in the Network Society: Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation* (Adler, May 16–19, 2019) (eds. Morozova E.V. et al.), Krasnodar: Vika-Print, pp. 58–61 (in Russian).
- Habermas J. (2001) *Moral Consciousness and Communicative Action*, Saint Petersburg: Nauka (in Russian).
- Habermas J. (2003) *Philosophical Discourse on Modernity*, Moscow: Ves' mir (in Russian).
- Habermas J. (2008) *Involving the Other: Essays on Political Theory*, Saint Petersburg: Nauka (in Russian).
- Habermas J. (2012) *Ah, Europe. Small Political Essays*, Moscow: Ves' mir (in Russian).
- Habermas J. (2016) *Structural Change of the Public Sphere. Research on the Category of Bourgeois Society*, Moscow: Ves' mir (in Russian).
- Honneth A., Joas H. (2002) *Kommunikatives Handeln. Beiträge zu Jürgen Habermas, "Theorie des kommunikativen Handelns"*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Is Life without a Computer a Passing Nature? (2020). *WCIOM*, August 6, 2020. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-bez-kompyutera-ukhodyashhaya-natura>, accessed 12.12.2021 (in Russian).
- James T. (2019) *Comparative Electoral Management: Performance, Networks and Instruments*, London and New York: Routledge.
- Joas H., Knobl W. (2011) *Social Theory. 20 Introductory Lectures*, Saint Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Kabanov Yu.A. (2016) Electronic Authoritarianism: Institute of Electronic Participation in Undemocratic Countries. *Politeia*, no 4 (83), pp. 36–55 (in Russian).
- Khasanov M.A. (2019) The Influence of Social Networks Facebook and Twitter on the Elections of the Mayor of Istanbul and Ankara. *Politics in the Network Society: Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation* (Adler, May 16–19, 2019) (eds. Morozova E.V. et al.), Krasnodar: Vika-Print, pp. 49–53 (in Russian).
- Luhmann N. (1990) The Autopoiesis of Social Systems. *Essays on Self-Reference*, New York: Columbia University Press, pp. 1–20.
- Malinova O.Yu. (ed.) (2011) *The Ideological and Symbolic Space of post-Soviet Russia: Dynamics, Institutional Environment, Actors*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- McCarthy Th.A. (1984) *The Critical Theory of Jürgen Habermas*, Cambridge.
- Nazarchuk A.V. (2008) Network Society and Its Philosophical Understanding. *Voprosy Filosofii*, no 7, pp. 61–75 (in Russian).
- Peters B. (2007) Öffentlicher Diskurs, Identität und das Problem demokratischer Legitimität. *Der Sinn von Öffentliche*, Frankfurt/M., pp. 55–102.
- Prigozhin I.R. (2008) Network Society. *Sociological Research*, no 1, pp. 24–26 (in Russian).
- Putnam R.D. (2000) *Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community*, New York; London; Toronto; Sydney.
- Putnam R.D. (2001) *Gesellschaft und Gemeinsinn: Sozialkapital im internationalen Vergleich*, Gütersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, New York.
- Shahbaz A., Funk A. (2020) The Pandemic Is Fueling Digital Repression Worldwide. *Freedom House*. Available at: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2020/pandemics-digital-shadow>, accessed 12.12.2021.
- Shatsky E. (2018) *The History of Sociological Thought*. Vol. 2, Moscow: NLO (in Russian).
- Trakhtenberg A.D. (2007) The Internet and the Revival of the “Public Sphere”: The Habermasian Ideal and the Reality of the Runet. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, no 7, pp. 224–231 (in Russian).
- Trust in Institutions (2019). *Levada-Center*, September 21, 2020. Available at: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/>, accessed 12.12.2021 (in Russian).
- Wallerstein I. (2003) *The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-First Century*, Moscow: Logos (in Russian).
- Wright N. (2018) How Artificial Intelligence Will Change the Global Order. *Russia in Global Affairs*, July 16, 2018. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-iskusstvennyj-intellekt-izmenit-globalnyj-poryadok/>, accessed 12.12.2021 (in Russian).